

IV

На западное побережье Каледонии опустилась ночь. «Ворон» стоял на якоре в северной части дикой и мрачной бухты, рядом с крутым берегом. Кормак направил сюда корабль уже под покровом темноты. Многолетний опыт — ведь все острова Западного Моря были свидетелями его подвигов — помог ему избежать рифов.

— А сейчас, — заявил он, — я схожу на берег.

— Позволь сойти и мне, — попросил Марк.

— Твой внешний вид и речь выдали бы нас обоих. Ты, Конал, тоже не можешь идти. Я знаю, что твою игру на арфе с удовольствием слушали шотландские короли, но, кроме меня, ты один знаешь эти берега. Если я не вернусь, тебе придется выводить всех отсюда.

Кельт внешне очень изменился — короткая борода маскировала черты лица. Он надел круглый шлем и пластинчатую дальриадскую кольчугу.

— Ну что, старый волк, — обратился он к Вульфери, — ты ничего не говоришь, но я вижу, как у тебя горят глаза. Ты хочешь идти со мной? Да, на берегу наверняка бы пламенно приветствовали того, кто так много раз поджигал здешние деревни и топил в море ладьи.

— Шотландцы так нас любят, что меня бы повесили без лишних расспросов только за рыжий цвет моей бороды. Но все это неважно, и, не будь я капитаном этой лохани, одного тебя я бы не отпустил. Ты такой разиня!

Кормак засмеялся:

— Жди меня до рассвета, не дольше.

После чего спустился с борта в воду и направился к берегу. Несмотря на тяжелое оружие, он плыл уверенно. Высмотрев место, где не мешали прибрежные скалы, он вышел на берег. Горный козел вряд ли преодолел бы этот подъем, да, пожалуй, он и пробовать бы не стал, но Кормак не имел ни желаний, ни времени на окружную дорогу. Он взбирался, пока не оказался наверху, а дальше зашагал по пологому склону. Пират направлялся на юг, где далекие огоньки обозначали Ару — его цель на этой негостеприимной земле. Кормак не сделал и шести шагов, как услышал за собой легкий шум; он сразу же повернулся с оружием наготове. За его спиной маячила могучая фигура.

— Хант! Что, к дьяволу...

— Вульфери опасался, что с тобой что-нибудь случится, и поэтому выслал меня следом.

Кормак долго и виртуозно ругал и вождя, и своего спутника, хотя знал, что это не поможет. Хант слыл молчуном и выслушивал все с каменным лицом. Голова богатыря поослабла от многочисленных боевых ранений, но он был умелым рубакой и всегда в точности выполнял приказы вождя. Поэтому Кормак прервал свою гневную речь и только предупредил Ханта, что для их общего блага он не должен соваться в селение — пусть подождет под стеной.

Они шли тихо и не слишком быстро. Кормак опасался наткнуться на вооруженный отряд, возвращающийся в селение или выходящий из него. Но им повезло, и они дошли до опушки леса, никого не встретив. Вскоре уже были на расстоянии полета стрелы от окружающих деревню стен.

— Спрячься здесь, — приказал Кормак, — и не смей приближаться к деревне. Если услышишь что-нибудь подозрительное, жди, пока не останется час до рассвета. Если и тогда я не вернусь, гони к Вульфери. Понимаешь?

Хант кивнул головой и исчез между деревьями, а Кормак отправился к селению.

Ара была построена на берегу маленького залива; со стороны суши ее прикрывала высокая стена. За стеной виднелись крыши небогатых усадеб и вытащенные на берег ладьи, служившие шотландцам для вылазок против бриттов и саксов или для поездок за припасами в Валстерн. Ара была не слишком привлекательным местом, скорее, военным лагерем, чем деревней; непрерывные войны, которые велись со всей округой, не способствовали развитию культуры. В этом смысле жители Ары скорее даже сделали шаг назад, сохранив лишь боевую ярость своих предков.

Кормак был одним из этих людей, так как родился в Конначате, но ни в коем случае не испытывал к землякам родственных чувств. Он провел среди этих людей слишком много времени, чтобы не презирать их за примитивность, но одновременно, не оценить их достоинства в бою. Сейчас он приблизился к воротам и, не ожидая, пока стража сама его заметит, начал орать. Он хорошо знал, что шотландцы вначале бьют, а потом уже смотрят, на кого пришелся удар. Хриплый голос приказал ему стоять спокойно. Его осветили факелом. В неровном свете он увидел суровые лица с всклокоченными бородами и пристальными холодными глазами.

— Кто ты?

— Парта Мак Отна с Улахалу. Прибыл на службу к Эохайду Мак Алибе.

— Ты весь мокрый.

— Было бы чудом, если бы я был сухим. За нашей ладьей гнались саксы, кажется, только я один и спасся от стрел и волн. Я доплыл до берега, уцепившись за сломанную мачту.

— А что с саксами?

— Я видел, что их парус пропал на юге. Возможно, они поплыли воевать с бриттами.

— А почему же стража не заметила тебя на берегу?

— Я вышел на берег за милю отсюда и шел на огни. Когда-то я уже был здесь и знаю, что это Ара, а как раз сюда я и собирался.

— То, что он говорит, похоже на правду, — произнес один из стражников. — Впустите его.

Ворота открыли, и Кормак вошел в лагерь своих заклятых врагов. Между хижинами горели костры, у ворот собралась группа любопытствующих, слышавших разговор сторожей и пришельца. Его рассматривали обрюзгшие растрепанные женщины и полуголые дети, у каждого из них он заметил какое-нибудь оружие. Даже едва научившиеся ходить карапузы сжимали в ручонках камни или куски дерева. Это был самый выразительный знак их дикости. Без сомнения, в случае необходимости эти малыши защищались бы, как дикие котята. В конце концов, разве он сам когда-то не был таким? И нет ничего удивительного в том, что Рим не смог устоять пред такими воинами.

Он не боялся, что его узнают, и спокойно пошел за вооруженным человеком, который вел его к самому большому зданию во всем селении, видимо, дому вождя. В Каледонии некогда было заниматься условностями, поэтому дворец вождя оказался самой обыкновенной хижинкой, только более просторной, чем остальные. Кормак усмехнулся, сравнивая это поселение с городами, в которых бывал. Но не башни и стены делают город городом, а живущие в нем люди. Его провели в просторное помещение. Несколько десятков вооруженных людей сидели за грубо сколоченными столами, многие пили из кожаных кубков. Во главе самого большого стола сидел уже знакомый ему король. Рядом с ним стоял менестрель, косматое чудовище, которого Кормак машинально сравнил с утонченным Коналом.

— Сын Алибе, это воин с Эрина, который хочет служить тебе.

— Кто твой вождь? — икнул совершенно пьяный Эохайд.

— Я свободный воин, — ответил Кормак. — Но было время, когда я шел по следам Донн Руат Мак Финна, принца Улахалу.

— Садись и пей, — сказал король и подкрепил свое приглашение неверным жестом волосатой руки. — Потом поговорим.

Собственно говоря, на Кормака уже никто не обращал внимания. Несколько шотландцев подвинулись, так что он смог сесть за стол, кто-то подал ему наполненную чашу. Быстрые глаза кельта заметили двоих людей, сидевших напротив. Одного он узнал. Сигул, норманнский предатель, нашел убежище среди врагов собственного народа. При виде Сигула Кормака охватила злость, но, бросив взгляд на сидевшего рядом коренастого, смуглого человека, он забыл про Сигула. Пикт!

Кормак попытался втянуть его в разговор и какой-нибудь историей склонить к откровениям на тему пропавшей Елены, если, конечно, тому что-нибудь известно. Но для

этого разговора пиктский вельможа — а никто другой, пожалуй, здесь не сидел бы — был пьян. Он выкрикивал непристойные песенки, отбивал такт мечом по столу, а если замолкал, то только для того, чтобы влить в себя очередную порцию пива. Здесь все были пьяны, за исключением Сигула — тот внимательно наблюдал за гостем.

Как раз когда пикт пил свое пиво, а Кормак думал, как бы втянуть его в разговор, менестрель затянул одну из своих диких песен. В ней он называл вождя Волком из Альбы, самым великим кормильцем воронов. Пикт в пьяном угаре вскочил на ноги и стал стучать кружкой об стол. Он не помнил себя: пикты обычно пьют легкое пиво и не приучены к тому пойлу, которое подавали здесь.

— Это правда, — заплетающимся языком бубнил он. — Эохайд Мак Алибе — великий воин, но не самый великий в Каледонии. Кто равен величием восседающему на древнем троне пиктов королю Брогару?

А второй после него — это Грулк. Это я — Грулк Разящий! В моем доме, в Гротго, есть циновка, сотканная из скальпов бриттов, англов, саксов и шотландцев тоже!

Кормак нетерпеливо пожал плечами: эта пьяная похвальба могла привести только к тому, что такой же пьяный и оскорбленный шотландец убьет крикуна. Но уже от следующей тирады пикта он с трудом сдержал себя.

— Кто, как не Грулк, — кричал дальше пикт, — захватил самую красивую женщину? Нас было пятеро в ладье, и ветер отогнал ее на юг, к землям Геринта. Мы искали воду, а вместо этого нашли в глубине леса трех бриттов, парнишку и двух красивых женщин. Мальчика я убил сам — он рвался в бой, а женщин — в ладью, и дальше, на север, на Гротго! — тут он завыл от возбуждения. — Когда старый Гонар, верховный жрец, посмотрел на ту, что звала себя Атлантой, он крикнул, что она посвящена богу Луны, потому что носит на груди его символ, который лишь только он может увидеть. И вместе со второй, Марицей, выслал ее на Шетланды, на остров Алтарей. Это дочь бриттского вельможи, боги будут рады ей!

— Когда это было? — спросил Кормак.

— Они отплыли три недели назад. Еще не наступила ночь Жертвы Луны... Но ты сказал, что я вру!..

— Выпей и забудь об этом, — буркнул кто-то из собутыльников и подал ему полный кубок.

Пикт схватил его обеими руками и опустил в него лицо. Он пил огромными глотками, и напиток стекал на его голую грудь. Кормак поднялся. Он уже знал все, что ему было нужно, и думал, что пьяная компания не заметит его внезапного исчезновения. Он боялся, что будет трудно выбраться за стену. Но главная трудность была в другом — Сигул обходил стол и приближался к нему.

— Что, Парта, ты так быстро утолил жажду?

Резким движением он сдвинул Кормаку шлем на затылок. Тот в бешенстве оттолкнул его руку, а Сигул восторженно завопил:

— Эохайд! Мужики Каледонии! Вор и лжец между нами! Вся честная компания ошеломленно уставилась на него.

— Это Кормак! — Сигул потянулся к мечу. — Кормак Мак Арт из банды Вульффера Хосаклирфа!

Кормак прыгнул, как раненый тигр. Сверкнул металл, и голова Сигула покатилась под ноги остолбеневшим шотландцам. Они повскакали с мест, но Кормак был уже у дверей. Воины, увидевшие его бегущим от дома вождя, без лишних вопросов погнались за ним. Пьяные высыпали во двор, бранясь и громко повторяя имя их гостя. Услышав это, все селение бросилось в погоню. Кормак тенью пробирался между домами. Он добежал до неохраемого участка стены и молниеносно оказался по другую ее сторону. Он несся в сторону леса, но понял, что преследователи сориентировались и знают, куда он направляется. За ним бежало множество вооруженных людей. Пират мчался пригнувшись, в любую минуту ожидая стрелы в спину. На его счастье, шотландцы были плохими

лучниками. Один из преследователей почти настиг его. Кормак обернулся, чтобы его задержать, но оступился на камне и упал на колени. Вдруг из-за деревьев появилась могучая фигура, и почти одновременно с ее появлением на Кормака свалилось мертвое тело шотландца. Кормак вскочил. Погоня была уже близко. Хант с волчьим рыком повернулся к подбегающим. Кельт поспешно втащил его в лес. Вокруг они слышали хруст веток — погоня была рядом, но теперь они двигались медленнее, перебегая от дерева к дереву, а когда преследователи оказывались слишком близко, прятались в кустах. Вдруг послышался собачий лай.

— Чтоб на них обрушились зараза и демоны! Псы приведут всю эту шайку на наш корабль. Другого выхода нет, придется плыть.

Они повернули под прямым углом к берегу. На маленькой полянке наткнулись на трех шотландцев. Один из них бросился на Кормака, двое — на Ханта. Противник Кормака хорошо владел мечом — отразил удар кельта и успел ударить его по шлему. Но прежде чем он нанес следующий удар, Кормак одним взмахом отрубил ему ногу, а следующим — отсек голову. Хант в это время одолел одного из нападавших. Другой атаковал отчаянно, и Кормаку показалось, что меч шотландца вонзился Ханту в живот. Однако тот схватил врага за горло, оттолкнул и ударил так, что меч сломался на позвонках врага. Потом Хант вырвал меч противника из своего живота.

— Он тяжело тебя ранил? — Кормак уже был рядом. Он попытался снять с него одежду и остановить кровь.

— Царапина! — Хант нетерпеливо оттолкнул его. — Но меча я лишился. Смываемся отсюда!

Кормак недоверчиво посмотрел на него и быстрым шагом двинулся в сторону берега. Хант без видимых усилий следовал за ним. Все приближающийся лай собак подгонял их. Когда они вбежали на скалистый берег, поросший свисающими над водой деревьями, дыхание Ханта стало тяжелым и прерывистым. Уже был виден мыс, за которым пришвартовался «Ворон». Им оставались какие-то полторы мили.

— А сейчас — в воду! — скомандовал Кормак. — Придется плыть. Нужно обогнуть мыс, через эти отвесные скалы не пройти. Да и собаки не... Что с тобой?!

Хант беззвучно рухнул на землю. Кормак присел и перевернул его на спину. Воинственное выражение на лице ютта сменилось смертельным покоем. Кормак рванул кольчугу, чтобы нащупать пульс, но не нашел его, а когда вытянул руку, оказалось, что она вся в крови. Он не мог понять, каким чудом столь тяжело раненный человек мог бежать так быстро и долго. Услышав совсем рядом собак, он вскочил, сбросил шлем, кольчугу, обувь и пояс — и прыгнул в воду.

В предраассветной мгле Вульффер взад-вперед расхаживал по палубе. Он услышал тихий звук, который явно не был плеском разбивающейся о берег или о борт ладьи волны. Другие тоже его услышали и без команды стали всматриваться в воду. Какой-то человек явно пытался взобраться на палубу.

Наконец полунагой Кормак Мак Арт, поддерживаемый несколькими сильными руками, выбрался из воды и выкрикнул:

— На весла — и в открытое море! Десятки шотландцев в любой момент могут здесь показаться! Курс — на Шетланды, пикты туда увезли сестру Геринта.

— Где Хант? — спросил Вульффер.

— Вбей еще один бронзовый гвоздь в мачту. Геринт нам уже должен десять фунтов. — Печаль в его глазах была в явном противоречии с циничными словами.

V

Марк беспокойно ходил по палубе. Ветер наполнил парус, и корабль стремительно рассекал волны, но для бритта эта скорость казалась скоростью улитки.

— Но почему этот пикт назвал ее Атлантой? — он повернулся к Кормаку. — Служанку и в самом деле звали Марицей, но у нас нет никаких доказательств, что с ней действительно принцесса Елена.

— Мне кажется, доказательства есть. Ты думаешь, она бы призналась, кто она? Если бы они знали, что захватили сестру Геринта, то потребовали бы выкуп размером в половину королевства.

— А что он имел в виду, когда говорил о Жертве Луны?

Вульффер и Кормак обменялись взглядами; Кормак посмотрел на Марка, но ничего не ответил.

— Скажи ему, — посоветовал Конал, — лучше, если он будет знать этот обычай.

— Пикты чтут странных и страшных богов, — сказал, помолчав, Кормак. — Мореплаватели кое-что знают об этом, правда, Вульффер?

— Да, — подтвердил викинг. — На их алтарях погибло много наших.

— Одно из этих божеств — это Луна Голка. Раз в год ему приносят в жертву пленную девушку из знатного рода. На безлюдном; островке, на Шетландах, стоит черный каменный алтарь, окруженный колоннами, такими же, как ты, наверное, видел в Стоунхендже. На этом алтаре в полнолуние и приносят жертву.

— О римские боги! — содрогнулся Марк. — Неужели такое вообще возможно?

— Рим пал, его боги мертвы и не помогут нам. — Тон Вульффера нельзя было назвать сердечным. — Но не бойся, нам поможет этот топор. Пусть только мои волки окажутся около этого алтаря, Голка получит такую жертву, какая ему и не снилась.

— Парус справа по борту! — раздался с мачты голос вахтенного.

Вульффер повернулся и увидел длинную ладью.

— Драккар, — проворчал Кормак, — и под полным парусом. Хочет идти нам наперерез.

— Клянусь молотом Тора, он, наверное, идиот! — возбужденно завопил вождь. — Но он от нас получит как следует!

Марк резко остановился и схватил его за плечо:

— Сейчас не время драться с каждым пиратом. — Он был зол. — Ты согласился искать принцессу и не должен подвергать себя риску, особенно теперь, когда мы напали на ее след. Ты собираешься отказаться от поставленной цели из-за бессмысленной жажды убийства?

— Мне?! На моем собственном корабле?! Я ни от кого не стану удирать, даже если Геринт отдаст мне все свое золото. Если этому ублюдку нужна драка, он ее получит!

— Он прав, Вульффер, — вмешался Кормак, — но другого выхода нет. Он направляется прямо к нам, и видно, что на палубе уже готовятся к битве.

— А удрать мы все равно бы не успели, — обрадовался вождь, — я знаю эту посудину. Это «Жрицы огня» Родда Торвальда, моего смертельного врага. Она так же быстроходна, как и наш «Ворон», и могла бы нас преследовать до самых Шетландов. Придется биться с ними!

— Ну, тогда будем биться, только побыстрее, — посоветовал Кормак. — На удачный таран мало надежды, лучше попробовать взять их на абордаж.

— Я родился во время абордажа, а драккары топил еще до того, как узнал о твоём существовании, — огрызнулся Вульффер. — Я знаю, что мне делать. А ты, парень, — обратился он к Марку, — был когда-нибудь в море?

— Нет, но если я струшу, ты можешь меня повесить на той драконьей морде на носу.

Вульффер отвернулся, чтобы скрыть удовлетворение.

На маневры, позволяющие занять более выгодную позицию, даже не стали тратить времени. Обе ладьи неслись на встречу друг другу, а их экипажи осыпали друг друга отборной бранью. Как только они сблизились на расстояние выстрела, с обеих сторон посыпался град стрел. Здесь преимущество было на стороне викингов Вульффера. Их противникам не хватало меткости. Чужая ладья, скорее всего, потеряла рулевого, потому что свернула с прежнего курса. Марк увидел, как к рулю бросился рослый светловолосый воин. Он догадался, что это был сам капитан Родд Торвальд. Через мгновение корабли с

треском состыковались. С обеих сторон полетели абордажные крюки. Волчий вой викингов стал громче — начался бой. Каждая из сторон хотела любой ценой перенести битву на вражеский корабль. Марк краем глаза заметил подбегающего к их борту Торвальда, но тут на борт «Жриц огня» бросились Кормак, Торфин, Эдрик и Снори. Снори погиб сразу же, потом Эрик, но прорыв уже был сделан, и викинги ворвались на чужой корабль.

На скользкой от крови палубе встретились два вождя. Топор Вульфера перерубил копьё Торвальда, но второго удара он не нанес — Торвальд вырвал топор у кого-то из убитых и нанес противнику удар по ребрам. Раненый рубил двумя руками; лезвие топора пробило панцирь и застряло между ребрами Торвальда.

Бой еще был в разгаре: обе стороны знали, что к побежденным снисхождения не будет, и потому сопротивлялись с упорством обреченных. Марка, помнившего только о битве, вдруг осенило: эти враги стоят на пути к Елене. И всем приходится тратить время, а может, ей как раз сейчас нужна помощь. Эта мысль придала ему сил.

Молодой легионер пробивался вперед. Чей-то меч ударил его по шлему, но он не заметил этого. Рука его двигалась методично, как механизм, а взгляд был прикован к медальону особой формы на одном из пиратов. Этот медальон на золотой цепочке был сделан также из золота и украшен посередине рубином в форме листа акантуса. Марк рванулся вперед, не глядя ни на что, кроме него. Двоих на своем пути он убил, даже не отдавая себе в этом отчета.

Он настиг человека с медальоном и ранил его; оба упали на палубу. Марк сорвал драгоценность с поверженного противника и, вставая, поцеловал ее. Держа в руке кинжал, он обратился к раненому:

— Говори, прежде чем я разорву тебя в клочья, говори откуда это у тебя?

Глаза того уже подернулись смертельной пеленой, но настойчивый голос заставлял его ответить.

— От женщины... которую мы взяли с пиктской ладьи...

— Что вы с ней сделали?! — Марк бессознательно тряс лежащего.

Кормак присел рядом и вместе с Коналом вслушивался в последние слова умирающего.

— Мы продали ее Торлейфу, сыну Харди.

Голова пирата упала. Марк смотрел на все это в отчаянии.

— Посмотри, — воскликнул он, поднимая драгоценность. — Это медальон Елены. Я сам ей его подарил. Она и Марица были на этой ладье. А теперь... Кто этот Торлейф, сын Харди?

— Не волнуйся, — отозвался Кормак. — Это норманнский пират, он поселился на Гебридах. Не теряй надежды, Елена там в большей безопасности, чем в руках у дикарей пиктов.

— Так не будем терять времени! Боги послали нам эту новость, и если мы опоздаем, то снова можем потерять след.

На корме еще шел бой. Кормак прошел по палубе, усеянной ранеными и убитыми. Употребив всю свою силу, он оттащил Вульфера с поля битвы и заорал ему в ухо:

— Конец! Мы победили, а Родд Торвальд убит. К чему тупить об оставшихся хорошую сталь?

— Я сойду с этого корабля только тогда, когда на нем не останется ни одного живого противника! — возопил раззадоренный викинг.

Кормак рассмеялся:

— Хватит, нас ждет другая забава. Прежде чем ты убьешь всех, погибнет еще несколько наших людей, а они нам будут нужны: от одного из раненых мы узнали, что принцесса у Торлейфа, сына Харди, на Гебридах.

Вульфер расплылся в широкой улыбке. У него было столько врагов, что ими можно было считать всех более или менее заметных викингов.

— В самом деле? Эй, волки, оставьте этих недобитых крыс! Пусть себе тонут или плывут, куда хотят! Мы пойдем жечь селение Торлейфа, сына Харди!

С ругательствами он разнял воюющих и увел своих на борт «Ворона». Недобитые пираты Торвальда смотрели на него с недоверием. Их палуба была усеяна мертвыми телами и обломками оружия.

— Эй, крысы! — все еще орал Вульффер. — Я вам оставлю эту лохань и падаль Родда Торвальда. Делайте с ним, что хотите, и благодарите Тора, что я вас пощадил!

Ответом ему было молчание. Только один могучего сложения мужчина крикнул:

— Может быть, в один прекрасный день ты проклянешь Тора за то, что сохранил жизнь Хальфгару, прозванному Волчьим Клыком!

Позднее Вульффер вспомнил это имя, но сейчас только издевательски рассмеялся. Кормак не разделял его веселья.

— Глупое занятие — дразнить побежденных, — укорял он вождя. — Да бог с ними, у тебя рана в боку, пойдем, ее нужно перевязать.

Марк молча смотрел на медальон Елены. Когда прошла горячка битвы, он сделался апатичным, хотя тревожные мысли не давали ему покоя. Хватило нескольких мгновений, чтобы в пылу битвы исчезли рассудительность и спокойствие, унаследованные им от предков, римских офицеров, вместо них им овладела кельтская ярость, та самая, перед которой задрожал Цезарь. Неужели наследие Рима, которое он в себе лелеял, побледнело? Он чувствовал, что это так, что он, как и остатки римской империи, возвращается к обычаям своих предков, но не этих римлян с трехсотлетней историей, а предков из Британии, с характером Вульффера и подобных ему.

— Отсюда уже недалеко до Кальдьорна, селения Торлейфа, — сказал Кормак. Он взглянул на мачту и на вбитые в нее шестнадцать гвоздей.

Норманны во множестве селились на Гебридах, Шетландах и Орканах, а их поселения перестали быть только зимними базами для подготовки к летним походам.

— Сролейяр на востоке, сразу за горизонтом, — продолжал Кормак. — У Торлейфа четыре ладьи и около трехсот воинов. У нас есть «Ворон» и неполная сотня... Значит, здесь нельзя действовать так, как любит Вульффер — сойти на берег и сжечь все, что удастся. Кроме того, не следует рассчитывать, что нам дадут такую добычу, как принцесса Елена. Нужно попробовать недостаток силы компенсировать хитростью. Я предлагаю подплыть к Кальдьорну с запада и лучше всего ночью; как раз там между скалами, можно укрыть ладью. У людей Торлейфа нет никаких причин там появляться — селение на противоположном берегу. Как только мы там окажемся, я сойду на берег и поищу способ спасти принцессу.

— И найдешь, — добавил Вульффер. — Только перед этим поищи способ одурачить норманнов, потому что они не такие простаки, как шотландцы. Если тебя выдаст твоя кельтская болтовня, то не они для тебя, а ты для них станешь потехой.

— Вот увидишь, я проползу, как змея, и они даже не узнают об этом. Вы, норманны, считаете себя хитрее всех, поэтому вас легко обмануть, — ответил Кормак.

— Я иду с тобой, — отозвался Марк. — На этот раз я не согласен оставаться на корабле и ждать твоего возвращения.

— А я должен буду ногти грызть от нетерпения на западном берегу, — сказал Вульффер.

— Подождите, — вмешался Конал. — У меня есть лучший план.

(на этом оригинал Говарда обрывается. Далее мы приводим два различных финала, написанных двумя разными авторами в разное время)